

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2025.8101

EDN: PVIMST

«Достроить» Вавилонскую башню? Достоевский и социализм

И. А. Есаулов

Литературный институт им. А. М. Горького

(г. Москва, Российская Федерация)

Московский государственный институт международных отношений

(г. Москва, Российская Федерация)

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: ivan.esaulov@icloud.com

Аннотация. В последние годы можно констатировать многочисленные попытки так или иначе «встроить» аксиологические установки Достоевского в теорию и практику социалистического строительства в нашей стране. При этом нивелируются кардинальные отличия этих установок, которые базируются на православном фундаменте, от атеистических (богоборческих) воззрений руководителей и идеологов социалистического государства. В статье на материале художественных и публицистических текстов писателя продемонстрирована противоположность православного мировидения и по видимости различных, но глубинно сходных отклонений от него. Приписываемая некоторыми постсоветскими философами Достоевскому его «концепция социализма», которую они напрямую соединяют с советской государственной практикой, ошибочна. Причина в том, что последняя не только вполне обходилась без Христа, но и, как показывают записи современников подобной практики (М. А. Булгакова, А. Ф. Лосева, И. Р. Шафаревича), была настолько открыто антихристианской (с насильственным государственным подавлением христианской свободы человека), что позволяла делать радикальные выводы о воплощении сатанинского духа. Однако же воинствующая дехристианизация — то, что сближает как западный «капитализм», так и советский «социализм». Это возвращение человечества к дохристианскому (а после прихода христианства в мир — антихристианскому) состоянию было пророчески предсказано Достоевским. То и другое на самом деле противоположно «русской идее» Достоевского и его заветным убеждениям.

Ключевые слова: Достоевский, социализм, католичество, атеизм, коллективизм, соборность, аксиология

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 25-18-00764 «Культурный взрыв Серебряного века: ценностно-смысловые основания», <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского).

Для цитирования: Есаулов И. А. «Достроить» Вавилонскую башню? Достоевский и социализм // *Неизвестный Достоевский*. 2025. Т. 12. № 3. С. 5–21. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8101. EDN: PVIMST

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2025.8101

EDN: PVIMST

To “Complete” the Tower of Babel? Dostoevsky and Socialism

Ivan A. Esaulov

The Maxim Gorky Literature Institute

(Moscow, Russian Federation)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

(Moscow, Russian Federation)

Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky

(Saint-Petersburg, Russian Federation)

e-mail: ivan.esaulov@icloud.com

Abstract. In recent years, numerous attempts have been made to somehow “embed” Dostoevsky’s axiological principles into the theory and practice of socialist construction in our country. At the same time, the cardinal differences between these principles, which are based on an Orthodox foundation, and the atheistic (anti-God) views of the leaders and ideologists of the socialist state are leveled. Using the writer’s fiction and journalistic texts, the article reveals the opposition between the Orthodox worldview and outwardly different, but deeply similar deviations from it. It also demonstrates that the “concept of socialism” attributed to Dostoevsky by some post-Soviet philosophers, which they directly integrate with Soviet state practice, is erroneous. The reason is that the latter not only dispensed without Christ, but also, as the records of contemporaries of such practices (M. A. Bulgakov, A. F. Losev, I. R. Shafarevich) show, was so openly anti-Christian (with violent state suppression of Christian human freedom) that it allowed to draw radical conclusions about the embodiment of the Satanic spirit. However, militant de-Christianization is what brings together both Western “capitalism” and Soviet “socialism.” This return of humanity to the pre-Christian (and after the advent of Christianity in the world — anti-Christian) state was prophetically predicted by Dostoevsky. The article argues that both are in fact opposed to Dostoevsky’s “Russian idea” and his cherished convictions.

Keywords: Dostoevsky, socialism, Catholicism, atheism, collectivism, conciliarity, axiology

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky).

For citation: Esaulov I. A. To “Complete” the Tower of Babel? Dostoevsky and Socialism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 5–21. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8101. EDN: PVIMST (In Russ.)

Достоевский и социализм — тема необъятная¹, я постарался осветить ее основные вехи во вступительной статье и в комментариях к тому серии «Pro et contra» Русской христианской гуманитарной академии «Советский и постсоветский Достоевский», где прослеживались и характеризовались этапы освоения и одновременно, можно сказать, присвоения наследия писателя [Есаулов, 2022]. В этой же работе хотелось бы сосредоточиться лишь на некоторых неочевидных моментах. Причина подобного обращения — новые попытки последнего времени «встроить» Достоевского в реанимируемый «красный проект» и по возможности смягчить кардинальную противоположность между православными воззрениями писателя и теорией, наряду с практикой, атеистического государства². Дошло уже

¹ См. последние по времени известные мне публикации: [Горелов], [Громова, Кулько], [Кибальник], [Куликова], [Мурзина], [Пущаев, 2020, 2021].

² Такого рода тенденция наметилась в нашем достоеведении уже в позднесоветские десятилетия. Если ранее авторы занимали четко определенную позицию, характеризую воззрения Достоевского как по отношению к «французскому утопическому социализму», так и «славянофильству», то затем возобладали всеядная «синтетичность» («системность»). Приведем характерный пример: «В настоящее же время творчество Достоевского все чаще изучается также в системе более широких связей с различными творческими методами, жанрами, художественным опытом и стилевыми исканиями всей предшествующей Достоевскому и позднейшей русской и мировой литературы — от древности до наших дней» [Фридлендер: 7–8]. При подобном подходе размывается всякая определенность, тщательно обходится — по возможности — главное, во что верил Достоевский. Экономика должна быть экономной, а стиль по возможности безличным: «...чтобы "всемирная отзывчивость" русской культуры, о которой столь вдохновенно писал Достоевский, получила возможность полного и свободного ее проявления, нужно было создание нового, советского социалистического государства. Только эпоха социализма создала предпосылки для достижения подлинного братства людей и народов...» [Фридлендер: 26]. Разумеется, «чтобы мечта Достоевского о победе созидательных начал истории над разрушительными <...> стала исторической реальностью, нужно было не "примирение" славянофилов и западников, не единение самодержавия и представителей народных низов, одетых в "серые зипуны", и духовное возвращение русской интеллигенции к родной "почве" <...>. Для этого нужна была Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества» [Фридлендер: 25]. Стремление же сгладить противоречия (и, тем самым, до неузнаваемости трансформировать подлинную историю русской литературы XIX века) проявляется не только в педалировании так называемого гуманизма «реакционного» Достоевского (созвучного «гуманизму» советского социума), но и в подчеркивании особого «демократизма» писателя: «Сегодня <...> возникли необходимые научные предпосылки, позволяющие рассматривать **демократизм** Достоевского (со всеми присущими ему противоречиями) не как антитезу по отношению к мировоззрению революционеров и социалистов той эпохи, а как качественно особый, специфический тип **демократизма**, отличный от сознательного политического **демократизма** участников тогдашнего революционного движения, но в то же время...» (здесь и далее полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи, курсивные — цитируемым авторам. — И. Е.) [Фридлендер: 8]. Нет, Достоевский, конечно, отнюдь не заслужил того, чтобы его определять революционным демократом (как Белинский, Чернышевский и Добролюбов), «но в то же время...». Еще одной особенностью «синтеза» по-советски является решительное забрасывание действительно важнейших для Достоевского православных воззрений целым роем других «социальных и философских» идей XIX в., которые писатель «сложным образом синтезировал», да еще «в гуманистическом духе». Даже «в беседах и поучениях Зосимы» Фридлендер обнаруживает «элементы не только

до того, что подвергается характерной ревизии известное отношение Ленина к Достоевскому: «...по нашему убеждению, следует все же оставить вопрос открытым, было ли отношение Ленина к Достоевскому тотально негативистским и бескомпромиссным...»; «отношение Ленина к Достоевскому было более сложным, не столь одноцветным» [Пущаев, 2020: 107]. Что же до Сталина, то ставится вопрос: «...видел ли он в реалиях строимого им государства некий отзвук <...> задушевных идей Достоевского» [Пущаев, 2020: 109]? При этом утверждается, будто данный «вопрос <...> остается открытым»; декларируется, будто «личное отношение Сталина к творчеству Достоевского заметно отличалось от официального» [Пущаев, 2020: 109, 111]³.

Как известно, в молодые годы Федор Михайлович был увлечен идеями социализма, которые среди прочих обсуждались в кружке Петрашевского. Советские комментаторы непременно добавляли к этому одно определение: *утопического* социализма, но у писателя такого определения нет: «...в половине текущего столетия некоторые из нас удостоились приобщиться к **французскому** социализму...» [Д30; т. 25: 21]. Переосмысливая собственное прошлое, Достоевский называет кружок петрашевцев «преступным обществом». Инкриминируя петрашевцам то, что они «утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение (то есть именно социалистическое. — И. Е.) разнится с душой народа русского» [Д30; т. 25: 22].

Давно уже отмечено, что, с точки зрения Достоевского, этот «французский» (или «европейский») социализм в Европе породило *католичество*. При этом, как замечает писатель, европейский социализм решает судьбы человечества «уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней начала» [Д30; т. 26: 85]. Разумеется, это связывают с языческой идеей Римской империи — иными словами, с изменой христианству, с тем, что Римским

"восточного" православия, но и "западного" гуманизма» [Фридлендер: 17]. Сами же творения Достоевского — при таком подходе — это «культурно-исторический синтез», «синтез разнообразных общественно-литературных и культурно-исторических традиций» [Фридлендер: 18]. Литературовед писал «о некоторых очередных задачах». Но на самом деле вышло, что статья итоговая. Этот — амнистированный, но «синтетический» — Достоевский и явился своего рода последним этапом советского достоевведения.

³ «Официальное» же таково (в передаче весьма авторитетного в данном вопросе деятеля): «...Жданов говорил примерно следующее: Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень односторонне, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель <...> наши литераторы кропят творчество Достоевского розовой водицей и изображают его чуть ли не социалистом, который только и ждал Октябрьской революции. Но это же прямая фальсификация фактов. Разве не известно, что Достоевский всю жизнь каялся в своих "заблуждениях молодости" и замаливал своих грехи — участие в кружке Петрашевского? Чем замаливал? — поклепами на революцию, рьяной защитой монархии, церкви, всяческого мракобесия» (Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 93–94). Автор — зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в конце 1940-х гг., главный редактор газеты «Правда».

папством было провозглашено: христианская идея не осуществима без всемирного владения католической церковью (не духовного, а государственного) землями и народами.

Я напомнил вначале то, что более-менее общепризнанно (мы сейчас не обсуждаем, прав наш писатель или, может быть, ошибался — особенно в перспективе последующих в XX в. событий⁴, а только констатируем: в этом ракурсе «почвеннические» воззрения Достоевского весьма сходны со славянофильскими представлениями о католицизме).

Однако, помимо этого общепризнанного, именно у Достоевского имеются и, как представляется, менее очевидные положения. Так, мало кто обращал внимание на то, что в его вершинном романе — «Братьях Карамазовых» — Вавилонскую башню Великий инквизитор намеревается не построить, а *достроить*: «И тогда уже мы и достроим...» [Д30; т. 14: 231]. Безблагодатные законничество и юридизм, по Достоевскому, отнюдь не являются открытием именно *католической* цивилизации, это ему некорректно было бы приписывать. Для Достоевского преобладание в отношениях между людьми юридических (правовых) критериев — в ущерб отношениям евангельским (благодатным) — это неплодотворное и опасное *возвращение* человечества к *дохристианскому* состоянию мира. И дело тут вовсе не в «язычестве».

Сама суть упреков Великого инквизитора Христу состоит как раз в том, что Спаситель осуществил переход от «**твердых основ** для успокоения совести человеческой» к новозаветной свободе. Что это за «твердые основы»? Речь идет о Законе — «твердом древнем Законе» (то есть Ветхом Завете), который — с этой точки зрения — и отверг Христос. Отныне любой человек был поставлен перед непосильным — с точки зрения Великого инквизитора — выбором: «свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой (Христов. — И. Е.) образ перед собою...» [Д30; т. 14: 232].

Иными словами, произошел отказ от ветхозаветного жесткого *иерархического* разделения человечества на достойных свободы и недостойных ее. Великий инквизитор открыто провозглашает «исправление» подвига Христа и возвращение к доевангельскому состоянию: «Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо...» [Д30; т. 14: 232]. Вспомним, что тот эпизод Евангелия от Луки, который писатель избрал для эпиграфа к «Бесам», завершается не окончательной победой над бесами («Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лк. 8:33)), а тем, что весь народ страны Гадаринской, куда приплыл Христос, узнав

⁴ Ревизии «несостоявшихся» прогнозов Достоевского (как будто историческое время уже закончилось!) был целиком посвящен пленарный доклад С. С. Хоружего в Софийском университете (см.: [Хоружий]).

об этом, отнюдь не возрадовался встрече со Спасителем, но «просил Его <...> удалиться от них» (Лк. 8:37).

Конечно, слова «вновь повели как стадо» (ср. «стадо свиней») можно отнести не только к прошедшим временам и не только к реальному социализму (каким мы его знаем). Слова Инквизитора «люди обрадовались» вполне пророческие, ибо многие, как мы знаем, — с большим удовольствием уже и в наше время — «вновь» желают вернуться в это ведомое *стадо*. Стадо с «гарантиями».

Однако очень ли отличаются в этом отношении реальный «социализм» и реальный «капитализм»? У академика И. Р. Шафаревича на этот счет была известная статья с характерным заглавием «Две дороги к одному обрыву» [Шафаревич]. Еще радикальнее — и раньше, чем Игорь Ростиславович — высказывался А. Ф. Лосев — в *полном* варианте своей «Диалектики мифа» [Лосев]. Для Лосева капитализм и социализм — две стадии развертывания господства сатанинского духа, *противоположного* христианскому (этот самый дух Алексей Федорович *конкретизирует*; после переиздания книги, за которую Лосев и был отправлен на Беломорканал, каждый может внимательно изучить особенные черты этого, согласно монаху Андронику, сатанинского духа) [Лосев: 268–411].

Вернемся к Достоевскому, у которого мы видим сходные опасения по поводу безблагодатного отказа от христианской свободы. Еще раз обратимся к процитированному выше фрагменту «Братьев Карамазовых». Итак, как утверждает Великий инквизитор, «люди обрадовались, что их вновь *повели* как стадо». Мы видим управляемое кем-то коллективное «стадо»:

«Да, мы **заставим их** работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру <...>. О, мы **разрешим им** и грех...» [Д30; т. 14: 236].

В той картине мира, которую пророчески рисует Достоевский, нет никакой пресловутой «общей жизни» (как показал советский XX век, эта «общая жизнь» при социализме пропагандировалась разве что в коммунистических лозунгах, ставилась на «Мосфильме», «Ленфильме» и других киностудиях советского Голливуда, в литературе «соцреализма», а также в бесчисленных трудах «представителей общественных наук» по «научному атеизму», «политэкономии социализма» и «научному коммунизму»; но, начиная непосредственно с большевистской социалистической революции, отнюдь не в повседневной жизни советских граждан: достаточно сравнить, скажем, «повседневность» таких персонажей, как Лиля Брик или Сергей Эйзенштейн, и рабочих Кузнецкстроя).

Пропагандируемый *коллективизм*, коллективизм «стада», помимо насильственного подавления всякого «я», отличается от православного соборного единства как жесткой двухчастностью, о которой ниже, так и безблагодатностью, поскольку, по мнению Инквизитора, «ищет человек на

земле <...> кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем вместе в бесспорный общий и согласный муравейник» [Д30; т. 14: 234–235].

Обращаю внимание, что здесь можно заметить то же жесткое разделение человечества на две неравные части, что и в проекте Шигалева из «Бесов»: *мы* и *они*. Образующий в результате этого разделения тоталитарный «муравейник» имеет одно существенное отличие от своих дохристианских (то есть ветхозаветных) аналогов: отвергать Бога уже *после* прихода в мир Христа означает — быть с дьяволом. По словам Великого инквизитора, «мы давно уже не с Тобою (не с Христом. — *И. Е.*), а с *ним* (с дьяволом. — *И. Е.*)» [Д30; т. 14: 234].

Таким образом, поиски *сатанизма* в советском строительстве социализма, которое позволил себе Лосев в «Диалектике мифа», уже были предугаданы «архискверным Достоевским» (В. И. Ленин) в его поздних романах. С позиций сегодняшнего дня даже немного странно, чему же так удивлялся Михаил Булгаков после посещения в январе 1925 г. редакции журнала «Безбожник»:

«Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера "Безбожника", был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Не трудно понять, чья это работа»⁵.

Тут самым естественным образом не может не возникнуть один вопрос. Ведь Достоевский писал о «французском» социализме, «европейском» социализме, а редакция журнала «Безбожник» располагалась отнюдь не в Париже, а в Москве. Отнюдь не в Париже — после пророчеств Достоевского — в XX в. был взорван Нотр-Дам де Пари. Нет, был взорван совсем другой «Нотр-Дам»: Храм Христа Спасителя. Разве в Париже нельзя было — под угрозой репрессий — свободно ходить в христианские храмы, венчаться, крестить детей, отпевать своих покойников? Разве во Франции норовили (по всей стране) в XX в. в бывших христианских храмах непременно устроить если не отхожие места, то уж, во всяком случае, сумасшедшие дома? Или, может быть, все-таки не во Франции (и, в целом, не в Европе)? Вопросы, конечно, риторические, но их уже и нельзя прямо не ставить, знакомясь с некоторыми последними публикациями по интересующей нас теме.

Один из последних вполне квалифицированных истолкователей темы «Достоевский и социализм» — А. А. Горелов — противопоставляет «французский» и «русский» социализмы, опираясь именно на Достоевского. На первый взгляд, у него, да и у других исследователей с подобными воззрениями, есть все основания для этого.

⁵ Булгаков М. Под пятой // Независимая газета. 1993. № 245 (669). 22 декабря. С. 8.

Достаточно напомнить цитату из «Дневника Писателя» за 1881 г.:

«Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. <...> Не в коммунизме, не в механических формах заключается **социализм народа русского**; он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным объединением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» [Д30; т. 27: 19].

Горелов эту фразу и цитирует, добавляя от себя: «...**концепция** Достоевского содержит в себе три части: исходную идеологическую — русскую идею, политическое продолжение ее — русскую партию и, наконец, организационное завершение — русский социализм. В данной **концепции** писатель соединил свою сформировавшуюся на каторге почвенническую позицию с предыдущими социалистическими представлениями, и все это наложилось на его изначальные православные верования. В этом три источника и три составные части **концепции** Достоевского» [Горелов: 59]. Как видим, у Достоевского, если встать на эту точку зрения, имелась целая *концепция* «социализма», да еще и в ней выделились «три источника и три составных части» (нам, прошедшим марксистско-ленинскую муштру, это что-то и кого-то очень напоминает). Однако напоминает отнюдь не Достоевского, а того, кто назвал его «архискверным».

По мнению Горелова, этот конструкт — «концепция социализма» — стал прямо-таки «общественно-политическим завещанием Достоевского». Более того, он приводит следующую «параллель: Л. Н. Толстой, который после смерти Достоевского понял <...>, что это был самый близкий для него человек, также вплотную заинтересовался социализмом перед уходом из Ясной Поляны и даже уже после ухода просил прислать ему книги на эту тему» [Горелов: 59]. Выходит, что Толстой и Достоевский — попросту социалисты. Русские социалисты. Тут и чаемая «непрерывность» истории. И гегелевская триада. И марксизм-ленинизм. И Достоевский — с его «синтезом».

Однако попробуем вчитаться в тексты самого Достоевского. Как построен тот же самый абзац из «Дневника Писателя», который выборочно цитирует упомянутый мной исследователь? Абзац начинается с того, что само слово *идея* Достоевский заключает в кавычки: «...народ русский <...> православен и живет идеей православия в полноте <...> *В сущности*, в народе нашем кроме этой "идеи" и нет никакой, и всё из нее одной исходит...» [Д30; т. 27: 18] (слово *идея* потому и заключено Достоевским в выразительные кавычки, поскольку «идея», которую народ «не понимает ответчиво и научно», в строгом смысле «идеей» не является: это же вера, а не собственно идея и, уж тем более, не идеология). Дальше Достоевский пишет: «...народ наш так хочет, всем **сердцем** своим и глубоким убеждением своим» [Д30; т. 27: 18].

Самое же существенное состоит в том, что и слово *социализм* также (как и *идею*) Достоевский заключает в столь же многозначительные кавычки.

Писатель замечает, что над ним смеялись «интеллигентные люди», некоторые из которых «воображают, что русский народ просто-напросто атеист» (понятно, что начиная с Белинского). Возражая этим «интеллигентным людям», Достоевский формулирует свою мысль следующим образом:

«Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе **церкви**. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский "социализм" теперь говорю» [Д30; т. 27: 18–19].

Но это еще не всё. Это слово, и без того заковыченное, писатель считает нужным еще и добавочно объяснить, в скобках замечая: «...и это **обратно противоположное церкви** слово беру именно для разъяснения моей мысли...» [Д30; т. 27: 19]. Иными словами, Достоевский не только не создает никакой «концепции» социализма, но и само слово «социализм» использует в метафорическом смысле, специально это оговаривая, для совершенно определенной цели — разъяснить, какие надежды он возлагает на Православную Церковь: этот (в кавычках) метафорический «социализм» — «цель и исход которого всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле» [Д30; т. 27: 193] (разумеется, добавляет Достоевский, «поколику земля может вместить ее» [Д30; т. 27: 19]). Итак, не «социализм», а Церковь (без всяких кавычек) — вот то центральное, важнейшее для писателя слово.

Именно поэтому Достоевский чаёт отнюдь не всякого «единения», хотя бы и «всенародного», но «единения во имя Христово»⁶, которое, по его убеждению, *прямо противоположно* единению «в Коммунизме», как духовное (святыня) может быть противоположно «механическим формам», присущим Коммунизму⁷.

⁶ Крайне показательно, что говоря об общечеловеческом единении (и провозглашая при этом Достоевского «гуманистом»), комментаторы его «Пушкинской речи» иной раз словно «забывают» уточнить чаемый самим писателем принцип этого единения, то есть главное.

⁷ См. одну из последних убедительных текстологических интерпретаций неосуществленного замысла Достоевского, известного под заглавием «Социализм и Христианство»: автор статьи показывает, что писателем «дано сравнение социализма и христианства не столько как разных идеологий, сколько как разных форм человеческого бытия». В конечном же итоге, «попытки сблизить/сравнить христианский и социалистический идеал (социализм и христианство) или же, наоборот, развести (социализм или христианство), предпринимавшиеся Достоевским на протяжении всей жизни <...> показали нереальность именно сближения» [Заваркина: 77, 89]. Поэтому для позднего Достоевского несомненна противоположность этих двух «разных форм человеческого бытия»: «Моя идея в том, что социализм и христианство — антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей...» [Д30; т. 29, кн. 1: 262]. Задуманных статей Достоевский не написал, но художественно эту *антитезу* показал в своих романах. Что же касается союза «и» (а не «или»), то у Ф. И. Тютчева имеется знаменитая статья «Россия и Революция», в которой союз «и» отнюдь не помешал ему сделать решительный вывод: «Уже давно в Европе существуют только две действенные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга <...>. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся

При этом не стоит забывать, что Достоевский, прежде всего, писатель, озабоченный не выдвиганием (или разоблачением) тех или иных *систем*, но разгадкой «тайны человека» (*человека*, а не социального строя). Вспомним, что в «Записках из подполья» парадоксалист, увлеченный деконструкцией современных ему систем, покушающихся на его человеческое «Я», теряет — вместе с тем — и ту единственную «Ты», которая поняла, что он — несчастен, и оказалась способной пожалеть и полюбить его. И именно эта потеря побуждает его к намерению не писать из подполья. В «Сне смешного человека» главное не развертывание фантастических картин развития человечества (и не разгадка смысла этих картин), а главное — это движение от «Я» к «Ты» (к маленькой девочке, спасшей героя), а также движение от общих рассуждений о счастье, зле, добре, преступлении, на которые и обращается обычно внимание в попытках «вычленить» философию или даже «богословие» писателя — движение опять-таки к другому человеку, к «Ты» (см.: [Есаулов, Тарасов, Сытина: 144–160]).

Что же касается социализма, то зададимся вопросом: какой именно «социализм» был построен в нашей стране? Разве «русский»? В этом вопросе и Горелов не может не признать, что «создавался этот социализм по канонам, которые характерны, с точки зрения Достоевского, для европейского социализма — атеистическим, деспотическим, государственно-бюрократическим» [Горелов: 60]. Однако же, в соответствие со своими собственными идеологическими установками, а отнюдь не воззрениями Достоевского, философ уверяет, будто в СССР «коммунизм постепенно превратился в русскую модификацию марксизма, несущую в себе основные особенности русского национального характера, нашедшие ранее выражение в мессианском православии» [Горелов: 61]. Впрочем, о шаткости понятий о православии автора статьи говорит уже то, что под «нашим православием» Горелов понимает, как выясняется, «компромисс между славянским язычеством и византийским христианством» [Горелов: 56]. Это такой же надуманный автором «конструкт», как и его представления о «модификации» марксизма в «русский» коммунизм в СССР: «...вторая модификация была синтезом русской идеи с марксизмом. На смену русскому православию пришел русский коммунизм...» [Горелов: 60]. Никакого фактического подтверждения подобным представлениям вся история Советского Союза — во все его исторические периоды — не дает, а потому их нет у автора. Поэтому он предлагает вместо фактов пропагандные лозунги, от которых никак не могут избавиться бывшие преподаватели советских «общественных наук»: «С самого начала

политическая и религиозная будущность человечества. <...> Революция же прежде всего — враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления, — все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром» [Тютчев; т. 3: 144–145].

существования нового советского государства три идеи были для него главными: 1) ликвидация эксплуатации человека человеком; 2) равноправное существование народов в едином федеральном государстве; 3) глобальное переустройство мира» [Горелов: 60]. Те, кто жил в реальном, а не выдуманном для «пропаганды советского образа жизни» Советском Союзе, хорошо помнят и о жесткой эксплуатации (вплоть до насильственного труда за «палочки») трудодни формально «свободных» колхозников, и о декларировании основателем Советского государства национального неравенства, которое «возмещало» бы от «великороссов» (то есть русских) грехи их «проклятого прошлого», как и о том, что «глобальное переустройство» предполагало прямо противоположную Достоевскому цель — искоренение религии. Когда автор заявляет: «Как православие должно было по идее господствовать на земле до Страшного суда, так и большевизм — до полного утверждения рая на земле. Коммунистический символ веры соответствовал русскому духу...» [Горелов: 62], — возникает вопрос, читал ли он сам Евангелие? Дальнейшие агитационные штампы, вроде еще одного пропагандистского конструкта — «Красной империи» — о «предательстве марксизма» руководителями советского государства, конечно же, в угоду «буржуазной идеологии» и т. п. (см.: [Горелов: 62]), характерные для известной части нынешнего социума, с позволения читателей я рассматривать уже не буду, поскольку и Достоевский, и православие выполняют у автора далекие от сколько-нибудь объективного научного изучения цели: задним числом легитимировать советский «социализм», атеистическое государство — с истреблением христианства как такового, «примирить» постфактум атеистическое государство с фантомным «русским» православием (в понимании автора, «синтезом» славянского язычества и «византийского христианства») и т. п. «Россия сказала-таки миру новое слово, став Советским Союзом», — заявляет автор [Горелов: 62]. То-то бы поразился Достоевский, увидев разоренные храмы, узнав об истреблении миллионов русских людей (в том числе среди них сотен новомучеников), а также уничтожение самого имени *Россия* (с его заменой на аббревиатуру из четырех букв), что это, мол, и есть то «новое слово», которое постсоветские философы «обосновывают» с опорой на его же «концепцию». Характерно, что в статье нет ни единого авторского упоминания об Иисусе Христе. Приходится сделать вывод, что «от противного» оказывается пророчески прав герой Достоевского, которого мы уже упоминали: «Мы давно уже не с Тобой, а с *ним*» [Д30; т. 14: 234].

Именно этим объясняется многих до сих пор смущающий факт: безусловную симпатию к «блистательному большевистскому эксперименту», а затем и к сталинской террористической практике большинства западных интеллектуалов левого фланга, которые не только не протестовали против преступлений большевистского режима, но защищали его от критики других, превозносили, восхваляли. По-видимому, они чувствовали в нем,

в отличие от враждебного им бывшего Государства Российского, что-то родственное по духу.

Например, фрейдистский психоанализ по-настоящему популярным стал в нашей стране только лишь после 1917 г. А. М. Эткинд указывает в этой связи на постоянное пересечение психоанализа Фрейда и социализма, на своеобразный «фрейдомарксизм». Так, согласно логике Льва Троцкого, «фрейдизм оказывается прямым продолжением и даже вершиной марксизма» [Эткинд: 283]. Для создателя Красной армии, а до того известного заведомо венских психоаналитических собраний (как, впрочем, позже и для многих влиятельных западных гуманитариев) концептуальные подходы Фрейда и Маркса вполне совместимы (и должны быть объединены): «Было бы прекрасно, если бы нашелся ученый, способный охватить эти новые обобщения методологически и ввести их в контекст диалектически-материалистического воззрения на мир...»⁸. В раннебольшевистском Советском Союзе организуется компания по переводу всего наследия Фрейда на русский язык. Надежды верхушки большевистской власти понятны: она надеялась синтезировать Маркса и Фрейда в «строительстве социализма» с целью полной переделки русской культуры, государства и самого человека⁹.

Фрейд, оценивая путь Достоевского, приходит к выводу о «бесславном итоге его нравственных борений». В чем же именно эта «бесславность» состоит? В том, что Достоевский «возвращается к подчинению мирским и духовным авторитетам, к поклонению царю и христианскому Богу, к черствому русскому национализму». Писатель «упустил возможность стать учителем и освободителем человечества». Неудача Достоевского, по Фрейду, обусловлена его положительными коннотациями по отношению к трем параметрам культуры России: государственному устройству (монархии, царю), вере (христианскому Богу) и народу, это и означает, по Фрейду, что «Достоевский присоединился к <...> тюремщикам» [Фрейд: 285]. Согласно этой логике, если бы у Достоевского было негативное отношение к царю, христианскому Богу и русскому народу — тогда бы ему был открыт, как выражается Фрейд, «апостольский путь» [Фрейд: 286], он мог бы стать освободителем (см. подробнее разбор аргументации: [Есаулов, 2012]).

Поэтому не стоит удивляться и современной рецепции Достоевского. М. Джоунс весьма справедливо замечает, что «господствующее интеллектуальное воззрение нашего времени, по меньшей мере западного, развитого общества» на творчество Достоевского (от Камю до марксистов, экзистенциалистов, фрейдистов) таково, что «пророчества Достоевского» возводятся не к голосам Зосимы или Алеши, но к голосу Ивана, не к «защите христианства» Достоевским, но к атеизму (см.: [Джоунс: 195]).

⁸ Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 171.

⁹ Ср.: «Выпустить новое, "улучшенное издание" человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма» (Троцкий Л. Д. Соч. Т. 21. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 111).

Что же касается «Дневника Писателя», то, похоже, мы сегодня переживаем девятый вал обвинений Достоевского (см.: [Захаров, 2013, 2021], [Zakharov]), при этом западные обвинения поразительным образом смыкаются с теми, которые выдвигались большевистскими запретителями и гонителями. Воистину «две дороги к одному обрыву», вновь вспоминая Шафаревича. Оказывается, терпим и принимаем в «порядочном обществе» может быть только редуцируемый, оскопленный, конвоируемый Достоевский. А Достоевский бесконвойный опасен. Поэтому одной из задач достоеведения продолжает оставаться освобождение Достоевского от этого конвоя, обретение подлинного Достоевского.

Список литературы

1. Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50–66 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/402/476> (30.07.2025). DOI: 10.17805/zpu.2017.1.2. EDN: YJXHW T
2. Громова Л. П., Кулько К. А. Публицистика Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына: от социализма к «русской идее» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20. № 2. С. 217–234 [Электронный ресурс]. URL: <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/16893/10983> (30.07.2025). DOI: 10.21638/spbu09.2023.202. EDN: TBMMVK
3. Джоунс Малкольм В. Достоевский после Бахтина. СПб.: Академический проект, 1998. 254 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
4. Есаулов И. А. Методологические основания работы Фрейда о Достоевском и установках советского литературоведения // *Su Fëdor Dostoevskij: visione filosofica e sguardo di scrittore / a cura di Stefano Aloe*. Napoli: La scuola di Pitagora editrice, 2012. P. 211–220. (Сер.: Biblioteca di cultura europea; 5.)
5. Есаулов И. А. «Архискверный Достоевский» в малом времени советско-постсоветских десятилетий и в большом времени русской культуры // Ф. М. Достоевский: pro et contra, антология. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2022. Т. 2: Советский и постсоветский Достоевский / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Есаулова (при участии Ю. Н. Сытиной). С. 7–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://russianway.rhga.ru/upload/main/Dostoevsky%20T2/7%2024.pdf> (30.07.2025).
6. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/analiz_dost.2021_mak.pdf (30.07.2025).
7. Заваркина М. В. «Социализм и Христианство»: проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2020. Т. 7. № 2. С. 69–97 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258910.pdf (30.07.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661. EDN: PMYXGW
8. Захаров В. Н. Синдром Достоевского // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 17–31 [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petrus.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Imya_avtora_-_Dostoevskiy_2013.pdf (30.07.2025).
9. Захаров В. Н. Всё яростнее попытки выгнать хозяина из дома // Аргументы недели. 2021. № 23 (767). 16–22 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/interview/2021/06/726264?ysclid=mfxy1lvwm42437146> (30.07.2025).

10. Кибальник С. А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социальнофилософской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 70–93 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330970.pdf (30.07.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4481. EDN: ZGSSMZ
11. Куликова Д. Е. Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 156–182 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633697652.pdf (30.07.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521. EDN: TVVAKS
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа»: новое академическое издание, исправленное и дополненное. 2-е изд. М.: ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.
13. Мурзина С. В. Социализм Достоевского: форма государственного устройства или братское единение (на материале публицистики и эпистолярия писателя 1860–80-х гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 127–135 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/murzina_svetlana_vladimirovna_127_135_4_228_2023.pdf (30.07.2025). DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-127-135. EDN: KYSISN
14. Пуцаев Ю. В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 102–118 [Электронный ресурс]. URL: <https://pj.iphras.ru/article/view/5256/3049> (30.07.2025). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-4-102-118. EDN: ZCADSW
15. Пуцаев Ю. В. Лукач и Достоевский: чтение Достоевского как веха на пути к большевизму // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 38–49 [Электронный ресурс]. URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/6462/5061> (30.07.2025). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-38-49. EDN: YZGRIY
16. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 3. 525 с.
17. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 285–294. (Сер.: Прошлое и настоящее.)
18. Фридлендер Г. М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 7–26 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/Dostoevsky%20Materialy%201980%20vol.4.pdf> (30.07.2025).
19. Хоружий С. С. Эсхатология Достоевского в призме современного ренессанса эсхатологии // Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. Материалы международного симпозиума. София, 23–26 октября 2018 г. София: Болгарское общество Достоевского, 2021. С. 25–47.
20. Шафаревич И. Р. Две дороги к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7. С. 147–165.
21. Эткинд А. Эрос невозможного: история психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993. 463 с.
22. Zakharov V. The Dostoevsky Syndrome // The New Russian Dostoevsky: Reading for the Twenty-First Century / ed. by Carol Apollonio; translated by Carol Apollonio with Joseph Fitzpatrick [et al.]. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2010. P. 9–24. EDN: UEIIHR

References

1. Gorelov A. A. F. M. Dostoevsky: the Russian Idea and the Russian Socialism. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 1, pp. 50–66. Available at: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/402/476> (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.17805/zpu.2017.1.2. EDN: YJXHWT (In Russ.)
2. Gromova L. P., Kul’ko K. A. Publicism of F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: from Socialism to the “Russian Idea”. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2023, vol. 20, no. 2, pp. 217–234. Available at: <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/16893/10983> (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.21638/spbu09.2023.202. EDN: TBMMVK (In Russ.)
3. Jones Malcolm V. *Dostoevskiy posle Bakhtina* [Dostoevsky After Bakhtin]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1998. 254 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
4. Esaulov I. A. Methodological Foundations of Freud’s Work on Dostoevsky and the Principles of Soviet Literary Criticism. In: *Su Fëdor Dostoevskij: visione filosofica e sguardo di scrittore* [On Fyodor Dostoevsky: Philosophical Vision and Writer’s Perspective]. Naples, The School of Pythagoras Publ., 2012, pp. 211–220. (Ser.: Library of European Culture; 5.) (In Russ.)
5. Esaulov I. A. “The Arch-Scoundrel Dostoevsky” in the Short Time of the Soviet-Post-Soviet Decades and in the Long Time of Russian Culture. In: *F. M. Dostoevskiy: pro et contra, antologiya* [F. M. Dostoevsky: Pro et Contra, Anthology]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2022, vol. 2, pp. 7–24. Available at: <https://russianway.rhga.ru/upload/main/Dostoevsky%20T2/7%2024.pdf> (accessed on July 30, 2025). (In Russ.)
6. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo* [Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky’s Heritage]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p. Available at: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/analiz_dost.2021_mak.pdf (accessed on July 30, 2025). (In Russ.)
7. Zavarkina M. V. “Socialism and Christianity”: Problems of Attribution and Publication of Dostoevsky’s Idea. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, vol. 7, no. 2, pp. 69–97. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258910.pdf (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661. EDN: PMYXGW (In Russ.)
8. Zakharov V. N. The Dostoevsky Syndrome. In: *Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [Zakharov V. N. The Author’s Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 17–31. Available at: https://philolog.petrus.ru/Biblioteka/Zakharov_V_N_Imya_avtora_-_Dostoevskiy_2013.pdf (accessed on July 30, 2025). (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Attempts to Drive the Owner Out of the House Are Becoming More and More Violent. In: *Argumenty nedeli*, 2021, no. 23 (767), 16–22 June. Available at: <https://argumenti.ru/interview/2021/06/726264?ysclid=mfxylvwm42437146> (accessed on July 30, 2025). (In Russ.)
10. Kibal’nik S. A. “Christian Socialism” or “Social Christianity”? (Gogol and Dostoevsky in Terms of the History of Russian Socio-Philosophical Thought). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 3, pp. 70–93. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330970.pdf (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4481. EDN: ZGSSMZ (In Russ.)
11. Kulikova D. E. Centenary of F. M. Dostoevsky’s Birth in the Soviet Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 156–182. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633697652.pdf (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521. EDN: TVVAKS (In Russ.)

12. Losev A. F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa": novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [The Dialectics of Myth. Appendix to "The Dialectics of Myth": a New Academic Edition, Revised and Expanded]. 2nd ed. Moscow, Yask Publ., Gnozis Publ., 2022. 696 p. (In Russ.)
13. Murzina S. V. Dostoevsky's Socialism: the Form of the State Organization or Brother Unity (by the Material of the Writer's Publicity and Epistolary of the 1860–1880). In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2023, issue 4 (228), pp. 127–135. Available at: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/murzina_svetlana_vladimirovna_127_135_4_228_2023.pdf (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-127-135. EDN: KYISIN (In Russ.)
14. Pushchaev Yu. V. Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet Culture, Ideology, and Philosophy. In: *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 102–118. Available at: <https://pj.iphras.ru/article/view/5256/3049> (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-4-102-118. EDN: ZCADSW (In Russ.)
15. Pushchaev Yu. V. Lukács and Dostoevsky: Reading Dostoevsky as a Milestone on the Road to Bolshevism. In: *Voprosy filosofii*, 2021, no. 7, pp. 38–49. Available at: <https://pq.iphras.ru/article/view/6462/5061> (accessed on July 30, 2025). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-38-49. EDN: YZGRIY (In Russ.)
16. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma: v 6 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 6 Vols]. Moscow, Klassika Publ., 2003, vol. 3. 525 p. (In Russ.)
17. Freud S. Dostoevsky and Parricide. In: *Freud S. Khudozhnik i fantazirovanie* [Freud S. The Artist and Fantasy]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 285–294. (Ser.: Past and Present.) (In Russ.)
18. Fridlender G. M. On Some Current Tasks and Problems in the Study of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 4, pp. 7–26. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/Dostoevsky%20Materialy%201980%20vol.4.pdf> (accessed on July 30, 2025). (In Russ.)
19. Khoruzhiy S. S. Dostoevsky's Eschatology in the Prism of the Contemporary Renaissance of Eschatology. In: *Antropologiya Dostoevskogo. Chelovek kak problema i ob"ekt izobrazheniya v mire Dostoevskogo. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Sofiya, 23–26 oktyabrya 2018 g.* [The Anthropology of Dostoevsky. Man as a Problem and as a Subject of Reflection in Dostoevsky's World. Collected Works from the International Symposium. Sofia, October 23–26, 2018]. Sofia, Bolgarskoe obshchestvo Dostoevskogo Publ., 2021, pp. 25–47. (In Russ.)
20. Shafarevich I. R. Two Roads to One Cliff. In: *Novyy mir*, 1989, no. 7, pp. 147–165. (In Russ.)
21. Etkind A. *Eros nevozmozhnogo: istoriya psikhoanaliza v Rossii* [Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia]. St. Petersburg, Meduza Publ., 1993. 463 p. (In Russ.)
22. Zakharov V. The Dostoevsky Syndrome. In: *The New Russian Dostoevsky: Reading for the Twenty-First Century*. Bloomington, Indiana, Slavica Publishers Publ., 2010, pp. 9–24. EDN: UEIHR (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Есаулов Иван Андреевич, доктор филологических наук, профессор, Литературный институт им. А. М. Горького (Тверской бульвар, 25, г. Москва, Российская Федерация, 123104); Московский государственный институт международных отношений (Проспект Вернадского, 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (наб. реки Фонтанки, 15, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-2088>; e-mail: ivan.esaulov@icloud.com.

Ivan A. Esaulov, PhD (Philology), Professor, The Maxim Gorky Literature Institute (Tverskoy bul'var 25, Moscow, 123104, Russian Federation); Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation); Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky (nab. reki Fontanki 15, Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-2088>; e-mail: ivan.esaulov@icloud.com.

Поступила в редакцию / Received 01.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025

Дата публикации / Date of publication 15.10.2025